

Russia and European Union in a post bipolar era

Alexey Gromyko,

Deputy Director, Institute of Europe, Russian academy of sciences

Summary

Present article characterizes following aspects of the history, presence and future of the European Union and its cooperation with Russia:

- Heights and depths, tendencies and perspective's of the development of the European Union;
- Interdependencies and cooperative way forward for Russia and European Union;
- Historical and current views of political persons from all over the world on the future of the European Union;
- Way through and out of the last and previous crises;
- Strategic projects and partnerships with Russia;
- European and country specific self-identification and political-organizational behavior as a basis for the future survival and development of the European Union.

Россия и Европейский союз в постбиполярную эпоху

Мир XXI века очень не похож на мир прошлых десятилетий, а, тем более, столетий. Но есть и то, что продолжает объединять все времена. Это мифы; мифы, которые подчас оказывают большее влияние на наши действия и поступки, чем реальные факты. Не удалось избежать такого положения вещей и Евро-союзу. В этой связи необходимо сказать как минимум о трёх мифах. Первый - что ЕС движется к неминуемому краху будь то под грузом собственного тщеславия, из-за потери способности к эффективному управлению, или под бременем неповоротливости своей социально-экономической модели. Второй - что ЕС превращается в супергосударство, с приходом которого уходят в прошлое традиционные национальные государства. Третий - что ЕС - экономический гигант, но политический карлик. В своё время посол США при ООН Джин Кирпатрик заявила, что Куба - это политический гигант, покоящийся на спине

экономического пигмея. Оправданно ли обратное представление о ЕС? Да, ещё не так давно это было именно так.

Что касается политического веса ЕС, то здесь политика "малых шагов" и постепенности приносит свои плоды, пусть и не столь броские, как того хотелось бы евроэнтузиастам. Однако с 1993 по 2007 г. в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Брюссель предпринял впечатляющие 230 совместных действий. В сфере европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) ЕС не только добился от НАТО применения формулы "Берлин-плюс", но и вышел за её пределы в виде Гражданско-военной ячейки. А ведь ещё не так давно многие высокопоставленные политики в США были жёсткими противниками автономии ЕС в вопросах обороны и безопасности. Посол США при НАТО Николас Берне как-то заявил, что развитие ЕПБО представляет

"одну из величайших опасностей для трансатлантических отношений" (Цит. по: Гардиан, 18.09.2003.).

При всём при том речи о создании супергосударства на всю видимую историческую перспективу не идёт. Напротив, в ЕС в последние годы произошёл своего рода ренессанс влияния национальных государств. Бюджет организации составляет немногим более одного процента совокупного ВВП государств-членов, тогда как в странах даже с самыми либеральными экономическими моделями этот показатель в 20 раз больше. Административная ветвь власти в ЕС насчитывает 30 тыс. человек, что не больше численности бюрократов в муниципалитете одного большого города в промышленно развитом государстве, и это когда население Евросоюза приближается к 500 млн человек.

Бесспорно, история ЕС - беспримерная история успеха. Однако в отношениях между странами Западной Европы, не говоря уже об отношениях между Западом и Востоком Европы, еще многого предстоит добиться. В связи с этим приведу один эпизод. В феврале 1970 г. советский министр иностранных дел А.А. Громыко посетил резиденцию посла ФРГ по приглашению на обед. Он спросил у Эгона Бара, когда следует ожидать, что Европа заговорит одним голосом? Спросите об этом, ответил Бар, через 20 лет. Громыко засомневался: «Вы действительно так думаете?» Бал подтвердил. Когда он сообщил об этом разговоре в Бонн, то Вилли Брандт среагировал так: «Да ты пораженец!» С тех пор вместо названных Баром 20 лет прошло 40, но и сейчас никто не может назвать срок, по прошествии которого хотя бы Евросоюз, пусть не Европа в целом, заговорит одним голосом и станет одним из полноценных центров силы в мире.

Стремление Европы вырваться из плена своего прошлого, постараться забыть тёмные страницы своей истории, в том о Второй мировой войне, сказываются на поведении и образе мыслей европейцев в отношении нынешнего этапа развития Евросоюза. В последние 20-30 лет был создан определённый нарратив ЕС, трактовка и мифология его истории, конструирование которого во многом было искусственным и оторванным от реальности.

Ещё совсем недавно, несколько лет назад, Европейский Союз пребывал в состоянии воодушевления и даже эйфории по поводу своего настоящего и будущего. Большой общественный резонанс и одобрение вызывали книги с такими громкими названиями, как «Европейская мечта» или «Почему Европа будет первенствовать в XXI веке». Мегарасширение ЕС в 2004 г. придало интегрирующейся Европе невиданный ранее размах и динамику, а вместе с этим и самоуверенность. Вспоминаю, как за год до этого посетил в составе российской делегации один из директоров Еврокомиссии. Местный брюссельский чиновник снисходительно вешал о том, насколько благотворными для ЕС будут последствия грядущего расширения. Евросоюз предвкушал принятие конституции. Его экономика вместе со всем миром пожинала плоды беспрецедентного по своей длительности роста. Способность лидеров Германии, Франции и ряда других европейских стран бросить вызов неоконсерватизму внешней политики Вашингтона указывала на возможность обретения ЕС своего собственного видения мировой политики.

К 2011 г. от прежних завышенных ожиданий не осталось и следа. Конституция провалилась. Мировой экономический кризис до основ потряс социально-экономическую модель развития Евро-

союза. Будущее не только его отдельных стран-членов - лидеров по бюджетным дефицитам и государственному долгу, но и еврозоны в целом, туманно и вызывает опасение. С большим трудом вступил в силу Лиссабонский договор, в очередной раз высветивший проблему демократического дефицита в отношениях между европейскими народами и брюссельской бюрократией. Он, как и принятый в авральном порядке стабилизационный фонд для спасения Греции, затем Ирландии, Португалии и, скорее всего, не только их, всё же дают осторожную надежду на фоне в целом мрачных прогнозов о будущем ЕС.

Однако негативное развитие событий в последнее время имело и положительную сторону - в прошлое ушло благодушное ожидание поступательного и практически гарантированного развития Евросоюза. Его доля в мировом ВВП в следующие десятилетия продолжит своё снижение. Неминуемо нарастание проблем, связанных с демографическим дефицитом Европы и с миграционными реалиями. Гравитационное поле «мягкой силы» ЕС постепенно теряет свою былую мощь, а европейская политика в области безопасности и обороны влечёт жалкое существование в условиях повсеместного снижения оборонных расходов. Западноевропейские политики гордятся способностью ЕС использовать «мягкую силу», однако ревностно оберегают монополию национальных столиц на принятие ключевых внешнеполитических решений. В результате ЕС, похожий в этом отношении на лебедя, рака и щуку, представляет собой не единство в многообразии, а какофонию голосов, которая мешает ему превратиться в действительно влиятельный центр принятия глобальных решений.

Вместо прекраснотных лозунгов о европейском лидерстве в новом столе-

тии всё шире распространяются скептические настроения. Ведущий политический обозреватель газеты «Файненшл Тайме» Филип Стефенс пишет прямо: «Я чувствую, как континент (Европа - Авт.) соскальзывает в будущее второразрядной силы». Ричард Хаас, председатель американского Совета по международным отношениям, говорит о том, что проект Европы, как мирового центра силы, идёт ко дну. Барак Обама не участвует в празднованиях годовщины падения Берлинской стены, а затем не приезжает на саммит ЕС - США. Для многих амбициозность Европы превратилась в пустой звук после исхода выборов на посты председателя Европейского совета и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности.

Что же происходит в действительности? Куда идёт Европа?

Последние годы положили конец эпохе Великого спокойствия в мировой и европейской истории последних десятилетий. Мы продолжаем жить во времена больших перемен, связанных со становлением многополярного мира нового качества и с глобальными сдвигами политэкономического характера. Государства ЕС, России, другим европейским странам в этих экстремальных условиях необходимо решать, как бы трудно это ни было, не только сиюминутные проблемы кризисного реагирования и регулирования, но и, преодолевая низкие горизонты политических циклов, вырабатывать и принимать решения на перспективу, глубиной в несколько десятилетий. Если Европа в целом хочет развить, закрепить и удержать свои позиции одного из центров силы в XXI веке, ей необходимо быстрыми темпами создавать панъевропейское пространство экономики, безопасности, вырабатывать совместные механизмы принятия внеш-

неполитических решений. Если рассуждать здраво, то ясно, что ни Евросоюз, ни Россия порознь с этими задачами не справятся.

Европа четвёртый год живёт в условиях социально-экономических потрясений. В ряде стран они накладываются на кризисные явления в политической системы. Мало кто спорит с тем, что этот кризис - кризис неолиберальной модели развития. В результате повсеместно приходит осознание необходимости рыночного регулирования, возрождается интерес к понятиям справедливости, солидарности, социальной ответственности и сплочённости.

Главное потенциальное следствие кризиса для России носит экономический характер: если благодаря шоковой терапии кризиса в стране, наконец, начнётся экономическая модернизация. Конечно, в краткосрочном плане от кризиса проигрывают все, но вопрос в том, что будет после того, как урон, нанесённый кризисом, будет рано или поздно преодолен.

Главное потенциальное следствие кризиса для Евросоюза носит политический характер: если кризис подтолкнёт ЕС по пути осознания себя не только в качестве экономического, но и политического центра силы в мире. Если же говорить об отдельных странах Евросоюза, то здесь ситуация сложнее: какие-то страны утвердятся в жизнеспособности выбранной ими модели социально-экономического развития, как, например, государства Скандинавии или рейно-альпийской зоны, другие, в первую очередь Великобритания, вынуждены будут отказываться от ряда постулатов англо-саксонской модели развития.

Огромную роль в будущем Европы играет и будет играть фактор политического лидерства. Одним из залогов ус-

пешного развития Большой Европы являются отношения по-настоящему стратегического партнёрства между Москвой, Берлином, Парижем, Римом, Варшавой и другими столицами. Германия и Франция в особенности проявили способность к стратегическому мышлению, в том числе в области отношений с Россией. Об этом красноречиво говорят «Северный поток» или планы по сотрудничеству в военной сфере. В Евросоюзе по-прежнему определяющее значение имеет тандем Франция - Германия, хотя "новая Антанта" между Францией и Британией несколько поколебали его основы. Эта тройка - сердцевина ЕС, что остаётся непреложным фактом и в условиях членства в нём 27 государств. Но в сфере политического лидерства существуют серьёзные проблемы и вызовы. Рейтинги популярности Ангелы Меркель и Николя Саркози как никогда низки. Незначительно лучше положение и правящей коалиции в Лондоне. Уже не раз возникало ощущение, что ведущие европейские столицы больше озабочены решением внутренних проблем, чем лидерством в Евросоюзе.

Однако у ЕС, похоже, шансы на то, что он справится с наиболее опасными текущими вызовами, есть. Принят Лиссабонский договор. Появилась надежда на нормализацию ситуации в еврозоне после одобрения стабилизационного фонда в 750 млрд евро, а также принятия пакетов документов под названием "Европейский семестр" и "Пакт евро плюс". История ЕС должна рассматриваться в совокупности достижений и неудач, как история, полная кризисов и временных откатов, которые, по-шумпетеровски, в большинстве своём приводили к дальнейшему созиданию, к поступательному развитию, а не разрушению всего проекта. Это относится и к Люксембургскому компромиссу 1960-х гг., и к пе-

риоду "евросклероза" 1970-х - 80-х, и к кризису Европейской валютной системы в начале 1990-х гг., и к расколу в ЕС, вызванному вторжением в Ирак в 2003 г., и к эпопее вокруг Евроконституции и Лиссабонского договора в начале нового столетия, и ко многим другим возникавшим трудностям. Высока вероятность того, что подобную же способность в совокупности успешно реагировать на вызовы времени Евросоюз продемонстрирует и в условиях тяжёлых проблем, постигших еврозону.

В то же время не существует гарантии вечного успеха проекта евроинтеграции. В Евросоюзе - несколько центров управления, часто конфликтующих. В нём сильны противоречия, связанные с неравномерностью политического, социально-экономического развития государств - участников. Об этом красноречиво свидетельствуют такие ныне модные аббревиатуры, как PIIGS. Количественные параметры расширения ЕС вширь в последнее десятилетие взяли вверх над качественными параметрами расширения вглубь. Евросоюз часто претендует на много большее, чем он может себе позволить, особенно в свете низкой эффективности (или их отсутствия) механизмов принятия решений в сферах внешней политики, безопасности, фискальной, бюджетной политики.

Каковы сильные и слабые стороны Евросоюза перед лицом вызовов XXI века? В череде первых, безусловно, достижения политики «мягкой силы», с помощью которой он превратился, возможно, в самую успешную региональную организацию на планете. Несмотря на все сложности, встречающиеся ЕС на пути, перед входной дверью с надписью Европейский союз до сих пор «толпятся» желающие попасть вовнутрь. ЕС (по крайней мере, его страны-сторожилы) может по праву гордиться успехами мо-

дели социального рынка, которая превратила эту часть Европы в одно из самых благополучных пространств для проживания на Земле. Принцип социальной сплочённости прогрессивен и перспективен. Уникальное изобретение - «пул суверенитетов», который позволяет ЕС одной ногой стоять в постмодернистском мире. В копилке Евросоюза - выработка своего нарратива, развитие усилиями западноевропейских мыслителей новой системы ценностей, включающей, помимо «мягкой силы», социального рынка и «пула суверенитетов», принципы многосторонности и устойчивого развития. Способность ЕС к сопротивлению внешним и внутренним разрушительным факторам во многом зиждется на принципе солидарности, который всё чаще перестаёт быть декларацией и претворяется в жизнь.

У Евросоюза есть немало козырей, но его слабые стороны не менее существенны. Ему в целом, в отличие от ряда стран-членов, очевидно, не достаёт стратегического мышления, несмотря на все амбиции по планам дальнейшего расширения. Тем более, ЕС не способен, да пока и не стремится, в ближайшем будущем претендовать на роль политико-военного игрока. Большой проблемой, масштабы которой резко выросли за последнее десятилетие, является разношёрстность социально-экономических моделей государств - участников, а главное - неравномерность их развития. Бомба замедленного действия - снижение в Европе рождаемости и прогрессирующее старение населения вкупе с нарастающей иммиграцией из-за пределов ЕС. Терроризм превратился из внешней во внутреннюю угрозу для его безопасности. На грани коллапса - интеграционные модели европейских государств под натиском нового «переселения народов». Ни мультикультурные эксперименты по-

британски или по-немецки, ни ассимиляционные по-французски так и не решили проблему полноценного вовлечения мигрантов и беженцев в жизнь коренных сообществ. Евросоюз переоценил свои возможности в процессе своего расширения, что привело к перенапряжению сил, как экономических, так и политических, восстановление которых займёт ни один год и даже десятилетие. Значительным тормозом остаётся проблема национальных эгоизмов как неизбежное следствие дуалистической супранациональной - национально-государственной природы ЕС.

Последнее противоречие - одновременно и внутренняя пружина Евросоюза. ЕС - это идентичность и национальная, и общесоюзная, между ними - хрупкий баланс. Да, пул суверенитетов означает и пул идентичностей, однако национальные государства, включая участников ЕС, до сих пор и на обозримую перспективу остаются главным действующим лицом международных отношений и главным субъектом во взаимодействии между гражданином и окружающим миром. С точки зрения нарратива Евросоюза общеевропейская идентичность обязательна; с точки зрения национального государства передача его национальной идентичности «наверх», т.е. её растворение, должно быть строго дозировано. Суверенитет государства является заливочной формой его национальной идентичности. Встаёт вопрос: если ЕС не имеет и не собирается приобретать полноценного суверенитета, то может ли он иметь полноценную идентичность?

Европейский интеграционный проект питается местными идентичностями и суверенитетами. Именно они, национальное почвенничество, придают ему устойчивость снизу, как корни держат дерево, но также и формируют его «крону», верхушечную часть проекта -

«пул суверенитетов», который и делает ЕС столь уникальной одновременно и международной, и наднациональной организацией. Без национальных идентичностей не могла бы появиться и общесоюзная. Однако они же являются не только его благословением, но и проклятием. Они могут играть как созидательную, так и разрушительную роль в процессе развития ЕС.

Пока первичный суверенитет зиждется на фундаменте национального государства, общеевропейская идентичность будет неизменно оставаться вторичной для подавляющего большинства жителей этой части Европы, быть срединной, промежуточной, слабо конкурирующей с национальной. Займёт ли когда-либо общеевропейская идентичность более прочное положение, зависит от дальнейших путей трансформации и метаморфозы национальных государств.

Думается, что национальные флаги и гимны, а не иные символы и атрибуты власти, ещё долгое время будут сильнее всего заставлять биться сердца жителей Старого Света.

Перед Россией и Евросоюзом, этими двумя крупнейшими "игроками" на европейском пространстве, стоят во многом схожие проблемы стратегического характера, под них зачастую заложены одни и те же "бомбы с часовым механизмом". Так, доля ЕС в мировом ВВП снижается, как и доля в мировой торговле, и продолжит снижаться по объективным и неизбежным причинам; и в данном случае неважно, насколько экономически успешен будет ЕС в будущем. Доля же российского ВВП если и повысится, то очень незначительно. Россия перестаёт быть ключевым внешнеторговым партнёром даже для большинства стран СНГ. Социально-экономическое развитие Евросоюза после последних волн расширения приня-

ло крайне неравномерный характер, однако в России эта проблема стоит ещё острее. ЕС, по крайней мере, на данном историческом этапе фактически достиг пределов своего расширения, однако созданные в нём процедуры как храповое колесо продолжают втягивать в сферу его притяжения всё новые и новые государства вне зависимости от того, укрепляет это основы организации или расшатывает их. Россия также должна решать проблему целостности, однако, в иной плоскости: ей грозит не бремя чрезмерных центростремительных процессов, а далеко не решённая проблема центробежных.

Конечно, немало проблем и в отношениях между Россией и Евросоюзом. По показателям численности населения и ВВП всё возрастающий перевес на стороне ЕС. Несопоставимы их доли в мировом ВВП. Цели модернизации России объективно могут приводить в противоречие с экономическими интересами ЕС. Между ними существуют серьёзные

противоречия не только прагматического, но и ценностного характера. И всё же, при всём сказанном,

складыва-

ние стратегических отношений в связке Россия - ЕС является историческим фактом, и, судя по всему, их упрочению нет альтернативы.

При всей своей специфичности и неповторимости, опыт Европейского Союза не может не привлекать тем, что, однажды сделав выводы из уроков своей истории, давшие ему жизнь государства за относительно короткий по историческим меркам период совершили рывок в своём развитии. Перефразируя известного английского поэта, своими усилиями они из руин прошлого возвели обители будущего, превратив западноевропейское пространство в одно из самых благополучных на Земле, даже с учётом нынешних кризисных явлений. Главное, чтобы способность извлекать уроки из прошлого не изменяла европейцам и впредь.